Жить долго — значит увидеть всё на свете. На лице Ли Чжэна отразилась внутренняя борьба. Открывать ли крышку бочки? Если внутри окажется живой человек, то всё ещё можно как-то объяснить, но если это будет труп… Он невольно содрогнулся.

— Раз уж ты косвенно спас мне жизнь, я открою и посмотрю. Если ты жив, я верну тебе долг. Если ты мёртв… Когда я доберусь до Сянцзяна, обязательно поставлю тебе памятник и буду ухаживать за могилой.

Ли Чжэн пробормотал это про себя и поплыл к бочке, чтобы открыть её.

В тот момент, когда крышка открылась, в его глаза врезались глубокие, словно бездонные, зрачки.

Внутри находился мальчик, примерно его возраста. На нём была белая рубашка и брюки, чёрные короткие волосы слегка намокли и прилипли к щекам. Его лицо было слегка впалым, нос — высоким, но больше всего Ли Чжэна поразили его глаза. Разве такое выражение может быть у подростка пятнадцати-шестнадцати лет? Его взгляд был словно мёртвая вода, глубокая и лишённая каких-либо эмоций.

Конечности мальчика были привязаны верёвками к стенкам бочки, а запах крови исходил от ран, которые он получил, пытаясь вырваться.

Их взгляды встретились, и Ли Чжэн был поражён спокойствием и холодностью в глазах мальчика. Быть запертым в бочке и брошенным в море — это почти верная смерть, но этот ребёнок не проявлял ни капли паники. Даже спасение не вызвало у него радости. Даже прожив две жизни, Ли Чжэн был уверен, что сам бы так не смог.

Увидев это, Ли Чжэн, естественно, решил спасти мальчика. К тому же, в этом бескрайнем море иметь спутника гораздо лучше, чем быть одному. В крайнем случае, умереть вдвоём всё же «счастливее», чем в одиночестве, не так ли?

Он осторожно наклонил бочку, чтобы заглянуть внутрь, но Ли Чжэн явно переоценил свой рост. Даже вытянув шею изо всех сил, он всё равно не мог дотянуться до руки мальчика, привязанной верёвкой.

Лицо Ли Чжэна побледнело, затем покраснело. Он глубоко вдохнул, понимая, что сейчас не время беспокоиться о своём росте.

— Малыш, постарайся откинуться назад, чтобы сохранить баланс бочки, иначе мы оба умрём здесь.

Ли Чжэн произнёс это, медленно продвигая руки внутрь бочки.

Глаза Лян Чжэ слегка сместились, направляясь в сторону Ли Чжэна. Он с удивлением смотрел на этого худощавого подростка, который, судя по всему, был либо его ровесником, либо даже младше. Как он мог так уверенно называть его «малышом»?

Ли Чжэн уже наполовину забрался внутрь бочки, и глаза Лян Чжэ следили за его движениями. Ли Чжэн схватил руку мальчика и начал тянуться к верёвке, связывающей его запястье.

Лян Чжэ наклонил голову, глядя на этот пушистый затылок, и вдруг почувствовал желание рассмеяться. И он так и сделал.

Ли Чжэн, который в этот момент зубами разрывал верёвку, замер, мысленно ругая мальчика: «Псих». Затем он продолжил своё дело. Он бы и руками попытался развязать верёвку, но крышка бочки была открыта, и, если бы он не держал её руками для баланса, вода могла бы хлынуть внутрь. Ли Чжэн не считал, что сможет вытащить бочку, наполненную водой.

Его зубы явно не были такими ловкими, как его руки, привыкшие к работе с химикатами. После нескольких попыток, в процессе которых он случайно поранил кожу Лян Чжэ, он наконец освободил его правую руку.

Как говорили древние, радость часто сменяется бедой. Ли Чжэн слегка пошевелил левой рукой, и бочка резко наклонилась, впуская внутрь поток воды. Его лицо исказилось от ужаса. Проблема! Он резко втянул всё своё тело внутрь, используя руки и зубы, чтобы быстро развязать верёвку на другой руке мальчика.

Бочка быстро наполнилась водой и начала тонуть.

Ли Чжэн был в панике. В этот момент он почувствовал, как его голова слегка толкнули. Он резко поднял глаза и увидел, что мальчик в белой рубашке уже освободил свои ноги. Его глубокие глаза смотрели на Ли Чжэна, затем внезапно сверкнули, и уголки его губ слегка приподнялись, но так быстро, что Ли Чжэн подумал, что ему показалось.

Ли Чжэн отодвинулся, и мальчик одной рукой за несколько секунд развязал крепкие узлы. Он схватил руку Ли Чжэна и, оттолкнувшись ногами от дна бочки, вытолкнул их обоих наружу.

Бочка под весом воды устремилась ко дну, а они, воспользовавшись импульсом, поднялись на поверхность. Когда они снова вынырнули, Ли Чжэн подумал, что это был самый захватывающий момент в его двух жизнях.

Ли Чжэн почувствовал, как его руку слегка ткнули. Мальчик в белой рубашке подобрал крышку бочки, плававшую неподалёку, и протянул её ему. Крышка бочки, плавающая на поверхности, была отличной опорой.

Ли Чжэн кивнул, и они, держась за крышку с двух сторон, быстро поплыли вперёд.

На самом деле, уезд Яньтянь и район Синьцзе в Сянцзяне находятся недалеко друг от друга, и, поскольку лодка уже прошла большую часть пути, Ли Чжэн и Лян Чжэ проплыли чуть больше часа, прежде чем увидели берег.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Большая волна выбросила их на берег. Они, мокрые и измождённые, лежали на песке, едва дыша. Ли Чжэн внезапно засмеялся, сначала тихо, затем всё громче. Лян Чжэ с трудом повернул голову, глядя на этого странного подростка.

В его глазах этот юноша был одет в лохмотья, которые даже в деревнях Сянцзяна редко кто носил. Он был невысоким, даже, возможно, на полголовы ниже Лян Чжэ, с пухлыми щеками и узкими глазами, которые при смехе загибались в приятной дуге. Лян Чжэ слушал его смех и чувствовал, как в его груди что-то набухает, готовое вырваться наружу.

Он слегка приоткрыл рот, и из его горла вырвался хриплый звук: «Хе-хе… ха-ха». Его смех становился всё естественнее, и, когда их смехи слились воедино, Лян Чжэ почувствовал, как напряжение и гнев, копившиеся в нём, растворяются в этом смехе.

Они смеялись до тех пор, пока у них не осталось сил, а затем просто лежали, тяжело дыша. Время от времени волны накатывались на них, но они не обращали на это внимания.

Когда они немного восстановили силы, Ли Чжэн повернулся и начал внимательно разглядывать спасённого им «ребёнка».

Даже после того, как его окунули в морскую воду, рубашка и брюки мальчика лишь слегка помялись по краям. Такое качество ткани не могло быть массовым товаром, да и то, как он развязал верёвки, говорило о том, что он специально тренировался. Те, кто практикует такие навыки, либо живут на грани, либо происходят из богатых семей, где детей с детства учат противостоять похищениям.

Этот мальчик явно не был из тех, кто живёт на грани. Ли Чжэн мысленно нарисовал множество сценариев, связанных с убийствами в богатых семьях: мачехи, убивающие детей от первого брака, братья, враждующие друг с другом. Его взгляд на Лян Чжэ наполнился глубоким сочувствием.

— Малыш, как тебя зовут?

Лян Чжэ посмотрел на него с лёгкой усмешкой.

— Я 66-го года.

Ли Чжэн несколько секунд молчал, прежде чем понял, что мальчик подчёркивает свой возраст. 66-й год — значит, ему сейчас 17 лет. Ли Чжэн замолчал, он, кажется, 67-го года, то есть ему 16…

— Лян Чжэ.

Увидев смущение на лице Ли Чжэна, Лян Чжэ почувствовал себя лучше и тихо произнёс своё имя.

— Ли Чжэн.

Ли Чжэн быстро перескочил через неловкую тему возраста и представился.

Ли Чжэн и Лян Чжэ благополучно выбрались на берег, сохранив свои жизни. Однако для Чжан Бинкуня и семьи Лян ситуация была далеко не спокойной.

Убедившись, что Ли Чжэн упал за борт, Чжан Бинкунь приказал А Эру управлять моторной джонкой и искать его в течение двух-трёх часов. Когда поиски не увенчались успехом, он сдался.

Чжоу Сытянь, проснувшись, чуть не бросилась в море искать Ли Чжэна. Она кричала, что хорошо плавает, но Чжан Бинкунь велел А Да увести её в каюту и запереть, чтобы она не наделала глупостей.

Всего за месяц она потеряла приёмного отца, биологического отца, который погиб, спасая её, и теперь обвинялся в убийстве. Её брат, чтобы уберечь её от сплетен в городе, уехал из родных мест, но погиб по пути в Сянцзян. Всё это полностью сломило восемнадцатилетнюю Чжоу Сытянь.